
Слава
Зорина
ТЫ - НЕ МОЙ ПАЦИЕНТ
Кодекс Веры

Слава Зорина

Ты - не мой пациент. Кодекс Веры

https://litres.ru/74725654
SelfPub; 2026

Аннотация

— Вы психолог? — вопрос девчонки с синими прядями в волосах был риторический. Она сидела в моем кабинете уже минут десять прекрасная понимая, кто перед ней.

— Да. — Конечно же я приняла правила ее игры, ответив.

— Тогда скажите, это нормально, что папа живёт с нами только по выходным?

Она показала фото на телефоне... моего мужа. Он, эта девчонка, теперь глядя на них рядом я поняла, почему она казалась мне такой знакомой, и женщина у него на коленях. Счастливая...

Я бросила взгляд на анкету Софии. Пятнадцать лет. Этой девочке — пятнадцать. Значит, практически с самого начала нашего брака он работал на две семьи.

Я довела сессию до конца, закрыла за ней дверь и села на пол.

Двадцать лет я учила людей спасать свои браки, а мой был мёртв с первого дня.

Мне бы сейчас выпить. Или разрыдаться. Или позвонить мужу и сказать всё, что я о нём думаю.

Вместо этого я поднялась, села на диван, ожидая нового клиента. Танцовщик из ночного клуба с зависимостью от случайных связей.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 15
Глава 4 20
Глава 5 27
Глава 6 35
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Ты - не мой пациент. Кодекс Веры

Глава 1

Каждое утро я варю кофе в джезве ровно три минуты на медленном огне. Игорь пьет без сахара, я с каплей молока. За двадцать лет этот ритуал ни разу не сбился, и в этом есть что-то успокаивающее, почти терапевтическое.

Игорь сидел за кухонным столом, листая что-то в телефоне. Седые виски, чистый воротник, очки в тонкой оправе. Он из тех мужчин, которые с возрастом не стареют, а как бы приобретают окончательную форму. Кивнул мне, не поднимая глаз.

— Колонку отправила?

— Вчера ночью.

— О чем в этот раз?

— «Пять признаков, что ваш партнер эмоционально отсутствует», — сказала я и поставила перед ним чашку.

Он хмыкнул. Не с интересом, а скорее так, как хмыкают, чтобы обозначить: я тебя слышу, но продолжать не обязательно. Я села напротив.

— У тебя сегодня операционный день? — спросила я.

— С одиннадцати. Буду поздно.

«Буду поздно» могло означать что угодно: от восьми вечера до полуночи. Я давно перестала уточнять. У каждого брака есть зоны, в которые оба партнера молча договариваются не заходить, и расписание Игоря стало одной из таких.

В машине я включила подкаст. Коллега из Питера рассуждал о привязанности, и у него это звучало так, будто он описывал погоду: «тревожный тип смещается к избегающему, создавая зону эмоциональной турбулентности». Я усмехнулась и переключила на музыку. Двадцать лет в профессии учат одному: за умными словами легче всего прятать то, что ты ни черта не понимаешь.

Первая клиентка — Марина. Ей сорок три, и она уже третий месяц в терапии. Пришла с запросом «муж не разговаривает», а на деле боялась, что если он заговорит, то скажет: «Я ухожу». Я слушала, кивала, задавала точечные вопросы, и где-то внутри ловила себя на знакомом ощущении: я делаю это хорошо, механически правильно, ведь знаю, как устроены люди. Конечно же, это ощущение — ловушка, и я его распознаю, но все равно каждый раз падаю в нее.

— Марина, давайте кое-что попробуем. Когда он молчит за ужином, что вы чувствуете? Не думаете, а чувствуете.

— Что меня нет, — сказала она тихо. — Что я сижу напротив него, но меня нет.

Я записала в блокнот «невидимость» и поймала себя на том, что рука замерла. Слово было таким точным, что на секунду показалось, будто я записываю не про нее, а про себя.

После Марины был перерыв, и я набрала Игоря. Два гудка, потом сброс. Ничего особенного, он мог быть на обходе, на совещании или просто задеть экран локтем. Я написала: «Позвони, когда освободишься», и вернулась к записям.

Он перезвонил через несколько часов.

— Прости, встреча затянулась. Что-то случилось?

— Нет, ничего. Хотела спросить, ужинаем дома или ты совсем поздно?

— Скорее поздно. Не жди.

Два взрослых человека координируют расписание, здесь ведь нет никакой драмы или подтекста, так? Я нажала «отбой» и минуту сидела, глядя в стену кабинета. Там висел диплом, рядом — фото с книжной ярмарки, где я держу свое детище, книгу «Как сохранить брак», и улыбаюсь так уверенно, словно знаю ответ на вопрос, который еще никто не задавал.

До конца дня были еще три сессии с клиентами: супружеская пара на грани развода, подросток с паническими атаками, женщина, которая боялась оставить мужа-алкоголика. Я работала как всегда: собранно, внимательно, с паузами в нужных местах, заставляющими человека говорить больше, чем он собирался. К семи вечера я закрыла кабинет и села в машину с приятным чувством профессиональной усталости, которое Игорь называл «ты опять спасала мир».

Дома было тихо. Я разогрела вчерашний суп, съела половину, полистала рукопись новой главы для переиздания. Это

уже четвертая допечатка. Издательство хотело добавить раздел «Кризис середины жизни», и я подумала, что это смешно, потому что ровно в середине своей жизни я сидела одна на кухне и ела суп из контейнера.

Игорь пришел в одиннадцатом часу, поцеловал меня в висок.

— Устала?

— Не очень, а ты?

— Адски.

Он принял душ, лег. Я выключила свет и тоже примостилась рядом. В какой-то момент его рука привычно скользнула по моему бедру коротко, почти вопросительно, как будто он нажимал кнопку, не зная, включена ли система. Я не отстранилась, повернулась к нему, позволила снять с себя футболку. В темноте все было быстро и знакомо: его движения, мое дыхание и руки, прикосновения ровно там, где их ждешь. Минут через семь он уткнулся мне в плечо, выдохнул и почти сразу отодвинулся на свою половину.

— Спокойной ночи, — сказал он.

— Спокойной ночи.

Я лежала и смотрела в потолок, отмечая свои реакции: тело было расслабленным, но не удовлетворенным. Между этими понятиями пропасть, которую я никогда бы не позволила клиентке проигнорировать. Но у чужих пропастей всегда четкие контуры, а свои сливаются с местностью, и ты годами ходишь по ровному, не подозревая, что ровное — это

и есть дно.

Мне почти сорок, и двадцать из них я в браке. За плечами книга, которая учит других, как любить. И вот я лежу в темноте рядом со спящим мужем и нагло себя обманываю: наверное, это нормально. Наверное, после двадцати лет все так. Наверное, страсть — это миф, который мы продаем двадцатилетним, чтобы они покупали парфюм, сексуальное нижнее белье и сто алых роз в комплект.

Глава 2

В анкете по предварительному сбору данных было указано: «Чернышев Н. А., 35 лет, пришел, т. к. босс заставил. Агрессивное поведение на рабочем месте, возможное эмоциональное выгорание».

Менеджер клуба, некий Артур, звонил мне накануне и говорил быстро, деловито, с интонацией человека, привыкшего решать проблемы до того, как они попадут в полицейский протокол.

— На самом деле он крут, зарабатывает отлично, клиентки его обожают, но в прошлую пятницу сорвался на одну из них чуть не до скандала. Мне такие истории не нужны, у нас репутация. Я ему сказал: либо к специалисту, либо свободен.

Я попыталась представить себе этого стриптизёра: крупного, может быть, с набитыми костяшками и привычкой сжимать челюсть. Когда работаешь с чужими проблемами, невольно собираешь в голове что-то вроде каталога типажей, и почти всегда ошибаешься, но все равно продолжаешь.

В реальности я, конечно же, ошиблась по всем пунктам!

Высокий — это я заметила первым, потому что он чуть наклонил голову, проходя в дверь, хотя проем стандартный. Темные волосы, убранные назад, джинсы, серый свитер, кроссовки, ничего, что кричало бы «я танцую за деньги в ночном клубе». Лицо спокойное, с той ленивой полуулыб-

кой, которая могла означать и дружелюбие, и желание максимально отгородиться, держать дистанцию.

— Никита, — сказал он и протянул руку.

Я пожала, села в кресло напротив и кивнула ему на соседнее:

— Располагайтесь. Воды? Чаю?

— Нет, спасибо.

Большинство людей садятся в кресло у психолога одним из трех способов: на краешек (тревога), развалившись (демонстративная расслабленность) или ровно, скрестив руки (оборона). Никита Чернышев как будто стек в кресло: мягко, без напряжения, одним непрерывным движением. Это было… красиво и, конечно же, демонстративно. Я немедленно зафиксировала в блокноте: «контроль тела, высокая кинестетическая осознанность, любование собой».

— Артур мне объяснил, зачем я здесь, — начал он. — Но, честно говоря, не очень понимаю, что мне вам рассказывать.

— Давайте начнем с того, что произошло в пятницу.

Он потер переносицу — первый жест, который выглядел непроизвольным.

— Ничего особенного. Клиентка перебрала, полезла обниматься после номера, я отстранил ее, но она решила, что слишком резко. Артур решил, что проблема во мне.

— А вы?

— А я решил, что на терапию можно и сходить, если начальство платит.

Он улыбнулся легко, обаятельно, с точно измеренным и выданным количеством самоиронии. Я видела эту технику тысячу раз: юмор как щит, обаяние как дымовая завеса, ничего нового. Но исполнение, надо отдать должное, было безупречным.

— Никита, вы понимаете, что я вижу, что вы делаете?

Полуулыбка не исчезла.

— И что я делаю?

— Вы улыбаетесь, шутите, и обычно человек расслабляется, перестает задавать неудобные вопросы.

— Окей, — сказал он наконец. — Допустим, вы правы. И что?

— И ничего. Просто если мы будем тратить время на ваше обаяние, это будут очень приятные и совершенно бесполезные сессии.

Он чуть подался вперед, и я машинально записала: «зеркалит позу». Потому что я сама сидела именно так: чуть наклонившись, одна рука на подлокотнике, в другой ручка. Он повторял мою позу с задержкой в несколько секунд, как будто его тело автоматически настраивалось на собеседника. У хороших танцоров бывает способность считывать чужую пластику и воспроизводить ее. У людей с определенными паттернами привязанности тоже.

— Расскажите мне про ту клиентку, — попросила я. — Что вы почувствовали, когда она к вам полезла?

Он откинулся назад, и отзеркаливание сломалось.

— Ничего особенного, я же сказал. Так бывает каждую вторую смену. Пьяные тетки лезут обниматься, некоторые хватают за задницу, одна как-то пыталась засунуть мне деньги в трусы. Издержки профессии.

— Но в этот раз вы среагировали иначе.

— Мадам не следила за языком.

Я ждала, не подталкивая, просто оставляя пространство, в которое человек может шагнуть сам.

— Она сказала: «Ты такой милый мальчик, жалко, что это все, на что ты годишься». — Он произнес это ровно, без выражения, без кривляния. — Пьяная тетка в стразах, которая три раза назвала меня Костиком, потому что перепутала с другим парнем. Мне должно было быть плевать…

— Но не было.

— Но не было.

Пожалуй, передо мной был мужчина, уставший от того, что его ценность определяется количеством людей, желающих до него дотронуться. И это попало куда-то, куда не должно было, потому что я-то знала, каково это: годами быть функцией, а не человеком. Только мне об этом никто из пьяных теток не говорил.

Я записала в блокнот «защитное поведение, избегание контакта», аккуратно, мелким почерком, как будто фиксировала обычное наблюдение.

— Никита, я хочу, чтобы вы знали: то, что здесь происходит, конфиденциально. Артур получит от меня подтвержде-

ние, что вы посещаете сессии, и ничего больше.

— Это вы всем так говорите?

— Всем.

— И все верят?

— Верят, потому что это правда.

Он встал, протянул руку снова, и на этот раз я заметила татуировку, выглянувшую из-под рукава свитера. Я не рассмотрела букв, уходящих вверх по запястью.

— Увидимся, — сказал он.

— До свидания.

Глава 3

Звонок от школьного психолога застал меня между сессиями — я как раз доедала йогурт ложкой из крышки, что само по себе говорило о качестве моего обеденного перерыва.

— Вера Сергеевна, здравствуйте. Это Ольга Дмитриевна Паршина, психолог школы номер сто сорок один. Мне вас рекомендовала Ирина Бельская, мы с ней на одной конференции…

Я терпеливо дослушала цепочку рекомендаций (в нашем кругу это ритуал, без которого никто не передаёт клиентов) и перешла к сути.

— Девочка, пятнадцать лет. Соня Краснова. Неполная семья, отец приходящий. Мать — медсестра, работает посменно. В школе конфликты с ровесниками, вчера подралась с одноклассницей. Физически ничего серьёзного, но директор настаивает на работе со специалистом, иначе грозит постановкой на учёт.

— Что стало причиной драки?

— По словам учителя, одноклассница сказала что-то про её отца. Соня утверждает, что не помнит, что именно. Классический вытесненный триггер.

Я записала имя и номер матери, повесила трубку и доела йогурт. Подростки — не моя основная специализация, но я брала их время от времени, особенно если случай был связан

с семейной динамикой. А «неполная семья и приходящий отец» — это всегда семейная динамика, даже если сам отец об этом не подозревает.

Правда, к моему удивлению, мама девочки мне так и не позвонила, зато София пришла сама, пусть даже вошла в кабинет так, будто её затолкали. Всё в её позе кричало: я здесь не по своей воле, считайте, сделала одолжение школе, родителям и даже вам. Ну и предупреждение бежало красной строкой по ее лбу: вам со мной будет тяжело. Невысокая, худая, в мешковатом худи с капюшоном, из-под которого торчали синие пряди, явно покрашенные дома, неровно и кусками, с вызовом, который был адресован, вероятно, кому-то конкретному. В руках — скетчбук, прижатый к груди, как щит.

Она села в кресло, скрестила руки и посмотрела на меня с выражением, которое я про себя называю «бетонная стена»: подросток, решивший, что ни одно слово взрослого не стоит того, чтобы его впустить в свой глубокий внутренний мир.

— Так-то мне не нужен психолог, — первым делом выдала она. — Мне нужно, чтобы от меня отстали.

— Справедливо. Кто конкретно должен отстать?

Она моргнула — видимо, ждала другой реакции. Уговоров, сочувственной улыбки, фразы «я понимаю, как тебе сейчас тяжело». Я давно поняла, что с подростками единственный работающий приём — не пытаться быть их другом.

— Все… Школа. Мама. Ольга Дмитриевна с её дурацкими

тестами. Теперь вот вы.

— Ну, я — последняя в списке, так что, может, на мне и закончится. Расскажи про драку.

— А чего рассказывать? Кристина сказала херню, я ей дала. Всё.

— Какую именно?

Соня дёрнула плечом и уставилась в стену за моей спиной — туда, где висела фотография с книжной ярмарки. Я заметила, как её взгляд задержался на обложке «Как сохранить брак», и на секунду мне стало неуютно, хотя рационально объяснить это я бы не смогла.

— Она сказала, что у меня нет нормального отца. Что он типа приходит раз в месяц и валит. И что моя мать — лохушка, которая это терпит.

Она произнесла это ровно, глядя мимо меня, и только пальцы, вцепившиеся в край скетчбука, выдавали, что спокойствие ее напускное.

— И ты ударила её за «лохушку» или за «нет нормального отца»?

Соня перевела взгляд на меня — быстро, цепко, с тем подростковым прищуром, который означает: а вы не такая тупая, как я думала.

— За отца, — сказала она после паузы. — Мама тут ни при чём. Мама… она старается.

Я кивнула и записала в блокнот: «идеализация матери, защита отца через агрессию». Классическая картина: ребёнок,

который злится на отсутствующего родителя, но направляет злость наружу, на кого угодно, только не на него, потому что злиться на того, кого и так мало, слишком страшно. Проще ударить Кристину.

— Твой папа — он кто?

— Врач. Главврач клиники. И да, он реально много работает, это не отмазка. — Она сказала это быстро, заученно, и я поняла, что эту фразу Соня повторяла не раз — может быть, подругам, может быть, себе перед зеркалом.

— Как часто вы видитесь?

— Ну… по-разному. Иногда каждые выходные. У него же операции, дежурства, всякое. Мама говорит, он нас любит, просто у него ответственная работа.

Я смотрела на неё и думала о том, скольких таких Сонь я уже видела: умных, колючих девочек, которые рисуют в скетчбуках вместо того чтобы плакать, красят волосы в синий вместо того чтобы кричать и бьют одноклассниц вместо того чтобы сказать отцу: мне тебя не хватает. Фамилия в направлении стояла материнская — Краснова. Отца звали Игорь, он работал главврачом, приходил по выходным. Как будто бы ничего примечательного. Половина моих взрослых клиенток выросла из таких девочек.

— Соня, я не буду заставлять тебя ходить сюда. Это твоё решение. Но у меня есть предложение: три встречи. Если после трёх ты скажешь, что это бесполезно, — я сама напишу в школу, что работа проведена.

Она посмотрела на меня с подозрением, но уже не с враждебностью.

— Три?

— Три. Как серии нового сериала. Если не затянет — бросишь.

Тень усмешки, первая за весь разговор.

— Ладно. Три — это терпимо.

Она ушла, а я осталась с карточкой клиентки: «Краснова София Игоревна, 15 лет, мать — Краснова Елена Павловна, отец — Морозов Игорь Андреевич, контакт…»

Я прочитала строчку. Потом ещё раз, медленнее.

Морозов Игорь Андреевич.

Главврач.

Я достала телефон и открыла сообщение, которое Елена прислала при записи, — там был номер отца «на всякий случай, если понадобится согласие».

Номер Игоря. Моего Игоря.

Цифры совпадали до последней.

Я закрыла карточку и очень аккуратно положила ручку на стол, потому что, если бы не положила, сломала бы.

Глава 4

— Как ваша неделя?

— Рабочая. — Никита привычно растекся по креслу, лениво пожал плечами, вглядываясь в меня пристально. Как будто не он в этот раз клиент, а я у него на приеме. Он говорил о себе, но четко фиксировал все мои реакции. Это было странно и почему-то заставляло нервничать. — Четыре смены, два корпоратива, один девичник. О, на нем было интересное! Невеста расплакалась прямо во время моего номера. Подруги решили, что от восторга, а я решила, что она вообще не хочет замуж.

— А вы часто считываете людей во время выступлений?

— Профдеформация. Вы же тоже, наверное, на вечеринках диагнозы ставите?

Я чуть улыбнулась, он был прав, и мы оба это знали.

— Никита, в прошлый раз мы остановились на инциденте с клиенткой. Я хочу поговорить не о ней, а о том, что происходит после работы. Вы уходите из клуба — и что дальше?

Он чуть двинул плечом, как будто стряхивал что-то невидимое.

— Зависит от ночи. Иногда — домой. Иногда — нет.

— «Иногда нет» — это к кому-то?

— К кому-нибудь или с кем-то куда-нибудь.

Он произнёс это спокойно, без вызова или показной де-

монстрации в духе «смотри, какой я самец». Нет, это было сказано как констатация, и именно эта ровность меня насторожила. Люди, которые хвастаются количеством связей, обычно компенсируют неуверенность. Люди, говорящие об этом как о привычке чистить зубы, по-настоящему застряли.

— Как часто?

— Каждые два-три дня. Иногда чаще. Зависит от того, насколько паршиво после смены.

— Это всегда разные женщины?

— Да.

— Вы с ними потом общаетесь?

— Нет. То есть иногда кто-то пишет, но я не отвечаю. Это… — он потёр затылок, подбирая слово, — не про общение.

— А про что?

Он склонил голову набок, не переставая меня разглядывать, прищурился, и в его глазах мелькнуло что-то, чего я не видела на первой сессии, — не ирония, не защита, а… растерянность?

— Мне плохо после каждого раза. Не физически, а вот здесь. — Он коротким точным жестом коснулся груди чуть ниже ключицы. — Пустота. Как будто я надеялся, что на этот раз будет по-другому, а оно опять то же самое. И через день я снова ищу кого-то, потому что пустота хуже.

Он описывал зависимость. Не химическую, поведенческую. Секс как способ на двадцать минут почувствовать, что

тебя видят, чувствуют, понимают. А потом — провал, и цикл начинается заново.

— Никита, я хочу проговорить одну вещь, не как диагноз, а как рабочую гипотезу. Вы описываете паттерн, который в психологии связывают с нарушением привязанности. Когда в детстве человек не получает стабильного эмоционального контакта, он начинает искать его через тело, потому что это единственный язык близости, который ему знаком.

Он смотрел на меня внимательно, без улыбки.

— Вы мне сейчас диагноз ставите или пытаетесь понять, каково это — когда хотят только тебя?

Фраза попала точно в цель… А он хорош, засранец… Я как раз знала, каково это наоборот. Когда никто не хочет. Когда твоё тело — предмет мебели, функция, часть домашнего расписания между ужином и будильником, а единственный мужчина, который к тебе прикасается, делает это так, будто ставит галочку в списке дел на неделю.

— Я пытаюсь понять и то и другое. — Голос прозвучал ровно, как я и хотела.

— Знаете, что самое смешное? Они все думают, что мне надо хорошенько дать. Каждая следующая на выдумку похлеще предыдущей. Они думают, раз я ходячий секс, значит, в койке надо удивить. А я каждый раз думаю: может, хоть эта не будет выпендриваться, марафоны по выдержке проходить. Но нет, все они одинаковые, ненастоящие. Ни одной из них мне не захотелось сказать, чтоб осталась до утра. Впро-

чем, ни одна из них и не рискнула попросить об этом. Странно, да?

Я записала: «страх отвержения, парадокс: создаёт условия для ухода, чтобы подтвердить убеждение, что все уходят». Мы поговорили еще немного, и он ушел, как мне показалось, в отличном настроении. А я сидела, глядя на закрытую дверь, и думала о том, что мне нужен супервизор. Но супервизор — это следующая неделя.

А через полтора часа — Соня.

Она пришла со скетчбуком, как и в первый раз, но на этот раз села не скрестив руки, а подтянув колени к груди, и это уже было прогрессом, потому что колени к груди — это «мне тут некомфортно, но я решила остаться», а скрещённые руки — это «пошли вы все».

— Привет.

— Привет. У вас кактус умирает.

— Ты права. Я его, кажется, залила.

— Кактусы нельзя заливать. Они от этого гниют изнутри, а внешне вроде нормально, а потом — бац — и всё, труп.

Она сказала это деловито, не вкладывая скрытого смысла, но я, разумеется, не могла не услышать метафору.

— Рисовала что-нибудь на этой неделе?

Соня открыла скетчбук и пролистнула несколько страниц, а потом остановилась на одной и повернула ко мне. Рисунок карандашом: дом, вид изнутри. Комната с диваном, телевизором, окном, за которым просто белое пространство.

На диване — фигура женщины с длинными волосами, правда, лицо было не прорисовано. Рядом с женским персонажем — пустое место, но подушка продавлена, как будто кто-то только что встал.

— Это наша квартира, — сказала она. — Мама вечером.

— А продавленная подушка?

— Это где папа сидит. Когда приходит.

Что ж, продавленная подушка на рисунке пятнадцатилетней девочки — это образ, который никакой учебник не передаст: присутствие через отсутствие, человек, которого ждут, даже когда он ушёл.

Я знала, о ком она говорит, еще с прошлой среды, когда увидела его имя в карточке и сидела, не двигаясь, глядя на номер телефона, который набирала тысячу раз. Я не позвонила мужу в тот вечер и не устроила сцену и даже не полезла проверять. Вместо этого я сделала то, что умею лучше всего: убрала эмоцию в коробку, закрыла крышку и продолжила работать.

— Соня, расскажи мне ещё про папу. Какой он?

— Высокий. Уже совсем седой на висках, но ему идёт. Мама говорит, он был красивый в молодости, и сейчас тоже ничего. — Она усмехнулась и пожала плечами. — Он такой… надёжный на вид. Когда приходит, мама сразу другая становится, улыбается, суетится, готовит что-то вкусненькое. А когда уходит, она опять как эта подушка, забытая и никому не нужная.

— Он приходит по выходным?

— Когда как. Обещает каждую субботу, но иногда звонит и говорит: «Дежурство, не получится». Мама никогда не ругается, а я один раз сказала ему: «Пап, ты хоть раз можешь отменить?» Он погладил меня по голове и сказал: «Сонь, ты же понимаешь, у меня ответственная работа, люди от меня зависят».

Она замолчала, рисуя что-то в углу страницы. Вытянув шею, я увидела маленький кактус с грустным лицом и подумала, что у этой девочки больше наблюдательности, чем у половины моих взрослых клиентов.

— А ты? — спросила я. — Ты от него зависишь?

Соня перестала рисовать, подняла на меня глаза — серые, с чуть рыжими крапинками у зрачка, — и я узнала в них Игоря. Не конкретную черту, форму или цвет, а выражение… Как он смотрел, когда не хотел отвечать на вопрос: внимательно и чуть мимо, будто тебя слышат, но не до конца.

— Нет, я от него не завишу, просто хочу, чтобы он пришёл и остался.

Н-да, пятнадцатилетняя дочь моего мужа сидела в моём кресле и рассказывала о нем, не зная, что он — мой. А я слушала, кивала и делала записи, как будто это нормально и мой мир не перевернулся неделю назад.

Я должна была отказаться от этого случая. Передать Соню коллеге, сослаться на загруженность, да на что угодно. Любой этический кодекс требовал именно этого. Но я не отка-

залась, и причина была проста: мне нужно было знать. Не как психологу, как женщине, которая двадцать лет спала рядом с мужем и не знала, что у него есть другой дом и семья в нем.

Глава 5

Среда начиналась настолько обычно, что потом, вспоминая, я буду искать в том утре хоть какой-то знак и не найду ничего. Кофе в джезве, Игорь за столом, весь в телефоне, поцелуй в висок на прощание. Наши обычные будни…

— Сегодня буду к девяти, может, закажем что-нибудь? — Он пробормотал привычные слова, так и не отрываясь от смарта.

— Давай. Тайскую?

— Давай тайскую.

Вот и все. Двадцать секунд разговора, из которых десять про лапшу. Я ехала на работу, слушала радио, думала о… Никите. Точнее, о его случае и о том, что на следующей сессии стоит затронуть тему матери, потому что паттерн компульсивных связей почти всегда ведет в детство, и его, вероятнее всего, тоже. Затем я с усилием заставила себя думать о чем угодно, но только не о Соне и ИХ семье.

Она уже привычно пришла в пять, со скетчбуком и в том же худи с капюшоном, но сегодня в ней было что-то другое… какая-то нервная энергия. Она то и дело дергала молнию на рюкзаке и не могла усидеть ровно, все время поджимала и вытягивала ноги.

— Привет, как неделя?

— Нормально, — буркнула она. — Ну, почти.

— «Почти» — это что?

— Концерт школьный был. Я играла на гитаре, в смысле, не прям соло, а в ансамбле, мы делали кавер на одну штуку… Неважно. Короче, папа обещал прийти.

Она замолчала, и мне не нужно было спрашивать, чем закончилась эта история, — я слышала ее десятки раз, в разных версиях, от разных детей. Папа обещал, но папа не пришел. Классический сценарий, от которого у подростков формируется убеждение, что их можно отложить на потом.

— Не пришел?

— Не-а. Позвонил маме за час, сказал: «Срочная операция, никак не вырваться». Мама пришла одна, как всегда, сидела в первом ряду, снимала на телефон. — Соня усмехнулась, и в этой усмешке было столько взрослого… презрения и, что ли, понимания, что мне аж захотелось отвернуться. — Знаете, что бесит? Каждый раз верю, что придет.

— Соня, что ты почувствовала, когда поняла, что он не придет? — Я кивнула и сделала пометку в блокноте, фиксируя слова, пока голова обрабатывала интонацию, позу, мимику. — Ты злишься на него?

— Нет. Да. Не знаю… — Она дернула плечом. — Он потом приехал в воскресенье, привез мне наушники. Дорогие, хорошие. Сказал: «Сонь, прости, я правда не мог». И мы пошли есть мороженое, и все было нормально, он рассказывал про какой-то случай на работе, смешной, и я смеялась, и… — она запнулась, — я думала: вот сейчас хорошо. Вот сей-

час он тут, и все хорошо. А потом он уехал, и опять стало… плохо.

— Можешь показать мне его? — спросила я и сама не поняла, зачем. То есть поняла — но та часть мозга, которая отвечала за «зачем», уже работала не как у психолога, а как у женщины, которой нужно знать. — Ты говорила, вы фотографировались в воскресенье.

Это было нарушением протокола. Я никогда не прошу у пациентов фото родственников на третьей сессии — рано, не нужно, нет терапевтического обоснования. Но Соня не знала протокола, она достала телефон, пролистала галерею и повернула экран ко мне с той легкостью, с которой подростки показывают все — для них телефон не хранилище секретов, а продолжение руки.

На фотографии Соня ела мороженое из вафельного стаканчика и щурилась от солнца. Рядом с ней, обнимая ее за плечо, стоял Игорь. Мой муж. В выходном пальто, которое я ему подарила, между прочим… С рукой на плече девочки, которая сидела сейчас в моем кресле и крутила карандаш.

Я смотрела на фотографию, и мир… не рушился. Он складывался как карточный домик, из которого вытащили одну нижнюю карту, — секунда, и вся конструкция оседает внутрь себя, почти без звука.

— Красивый, да? — спросила Соня, и в ее голосе была гордость за отца. — Мама говорит, я на него похожа. Глаза его.

Глаза его…

Да…

— Хорошая фотография. — Внутри не было ничего. Шок работает именно так: организм решает, что чувствовать опасно, и просто обрубает провода. Я объясняла клиентам сотни раз: «В первые минуты вы можете ничего не чувствовать, это нормальная защитная реакция, эмоции придут позже». Теперь я знала это на собственном опыте. — Соня, давай вернемся к концерту. Ты сказала, что каждый раз веришь, что он придет. Почему?

Я продолжала вести сессию.

Задавала вопросы, делала пометки, кивала в нужных местах. Соня сидела в кресле и рассказывала про отца, которого любила и ждала, не зная, что он — мой.

Соне — пятнадцать… К моменту ее рождения мы с Игорем были женаты уже пять лет. Пятнадцать лет назад он подарил мне серьги на годовщину и сказал: «Ты — лучшее, что у меня есть», а у него уже была Лена. И уже была или вот-вот должна была появиться Соня.

С самого начала. Почти с самого начала нашего брака.

— …и он тогда сказал, что летом мы поедем на море, вдвоем, без мамы, потому что маме тяжело с перелетами, — говорила Соня, и я кивала, и записывала, и часть меня думала: он и нас возил на море. Каждый август…

Сессия закончилась в пять сорок пять.

— Соня, ты молодец. До следующей среды.

Она забрала рюкзак, сунула телефон в карман и уже у двери обернулась:

— Вера Сергеевна, а вы правда думаете, что трех сессий хватит?

— Посмотрим, — сказала я. — Может, и больше понадобится.

Она кивнула и вышла, а я закрыла дверь, прошла через кабинет, мимо кресел, мимо стола и книжной полки, где стояла книга из четвертого тиража «Как сохранить брак» — золотые буквы на темно-синей обложке, мое имя и фотография, — и опустилась на пол у стены. Да-да, не упала, не рухнула, а именно опустилась, контролируемо, согнув колени, прислонив затылок к прохладной штукатурке.

Плакать не получалось.

Я сидела и смотрела на свой кабинет — те же кресла, тот же стол, та же лампа с мягким теплым светом, которую я специально выбирала, чтобы пациентам было уютно, — и думала: ничего не изменилось. Вообще ничего. Те же стены, та же я. Просто теперь я знаю… и… что?

Я не позвонила Игорю.

Не смогла. Что бы я ему сказала? «Знаешь, сегодня твоя дочь показала мне вашу фотографию»? «Как давно ты ведешь двойную жизнь — пятнадцать лет или больше?» Любая фраза звучала в голове фальшиво, как реплика из паршивого фильма. А я ненавижу паршивые фильмы!

Я знала — как психолог и как женщина, написавшая кни-

гу про измены и дающая советы о том, как с ними справляться, — что первая реакция не настоящая. Что шок — это буфер, амортизатор, подушка безопасности, а настоящая боль придет позже — через двенадцать, двадцать четыре, тридцать шесть часов, когда адреналин схлынет и мозг начнет по-настоящему обрабатывать информацию.

Я это знала. Я про это писала.

На сто двадцать третьей странице моей собственной книги есть абзац: «Если вы узнали об измене партнера, не принимайте решений в первые двое суток. Дайте себе время пережить шок, прежде чем действовать».

Какой полезный совет…

Грамотный, выверенный, профессиональный. Я сидела на полу своего кабинета и думала: интересно, что бы я написала на этой странице, если бы знала, что однажды буду сидеть здесь и проверять свои же рекомендации на практике?

Через полчаса я все так же контролируемо, фиксируя каждое свое движение, поднялась, собрала сумку и поехала домой. Игорь пришел в девять, как обещал, и мы заказали тайскую лапшу. Он рассказывал что-то про нового анестезиолога в клинике, я кивала, и ни один мускул на моем лице не дрогнул…

А ночью я лежала рядом с ним и… считала. Пятнадцать лет — почти пять с половиной тысяч ночей. Сколько из них он лежал вот так, рядом со мной, и думал о Лене? А о Соне? О том, что в субботу нужно не забыть заехать к ним, а мне

сказать про дежурство?

Я не заснула. К четырем утра шок начал отступать, и под ним обнаружилось то, чего я боялась: не злость, не ревность и даже не жажда мести, а вопрос. Не «как он мог?», а «как я, психолог с двадцатилетним стажем, не заметила?».

К шести утра я встала, пока Игорь еще спал, прошла в ванную и села в пустую ванну прямо в пижаме. Включила воду — холодную, потому что горячая грела бы, а я не хотела тепла, я хотела что-нибудь почувствовать, хоть что-нибудь, кроме этой ватной, душной пустоты, забивающей мне горло и не дающей ни плакать, ни кричать.

Вода намочила штанины, поднялась до колен… Шок прошел, а под ним оказался стыд, от которого хотелось содрать с себя кожу. Стыд за себя и за те тысячи часов, проведенных в кресле напротив клиентов: я учила их видеть то, что сама не разглядела в собственной спальне.

Где-то за стеной зазвонил будильник Игоря — семь ноль-ноль, как каждое утро. Сейчас он встанет, примет душ, наденет чистую рубашку, сядет за стол, откроет телефон. Может быть, напишет Лене: «Доброе утро»?

А потом спустится на кухню и спросит: «Кофе готов?» — и я скажу «да», потому что кофе всегда готов, потому что я надежная, потому что я — функция.

Я переоделась, высушила волосы, сварила кофе. Игорь спустился, сел за стол, открыл телефон.

— Доброе утро, — сказал он, не отрываясь от смарта.

— Доброе. — Я поставила перед ним чашку.

Глава 6

Ещё три дня я ждала. Не потому, что готовила речь. Просто хотела убедиться, что говорить буду я, а не мой аффект. Разница между ними примерно такая же, как между скальпелем и топором: результат похож, но последствия — нет.

За эти три дня я сделала несколько вещей. Позвонила адвокату — Ирине Калач, с которой мы пересекались на конференции по медиации и которая, по слухам, вела бракоразводные процессы с хирургической элегантностью. Сходила к нотариусу, сняла копии документов на квартиру. Проверила совместные счета. Все это я делала в перерывах между сессиями, как будто организовывала переезд, а не демонтаж собственной жизни.

На четвертый день, в субботу, когда Игорь обычно ездил «в клинику проверить пациентов» (а на самом деле к Лене, я теперь это знала), он вернулся в шестом часу, повесил пальто и, потянувшись, сказал:

— Закажем суши?

Я стояла у кухонного стола, на котором лежала карточка клиентки «Краснова София Игоревна», раскрытая на странице, где был записан контактный номер отца.

— Сядь, пожалуйста.

Он посмотрел на меня и, надо отдать ему должное, видимо, понял сразу. Не по голосу даже, а по чему-то в моей по-

зе. Двадцать лет — это много; за двадцать лет даже самый невнимательный человек учится считывать своего партнера, хотя бы на уровне «опасность / не опасность». И он понял: опасность.

— Что случилось?

— Сядь, Игорь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.